

Шах и мат!

фантастический рассказ

Великое дело – отдых! Можно просто закрыть глаза, расслабиться и одним быстрым движением смахнуть с лица десятки масок, что успели нарасти всего за неделю. «Вы так любезны, господин Добровольский» - щёлк, первая маска готова. «Госпожа Левицкая, вы сегодня просто сногшибательны» - хлоп, и вторая маска вгрызается в кожу, прилипая к ней гаденькой, заискивающей улыбочкой. А как вам это: «Ваш доклад не оставляет сомнений, что новым президентом назначат именно вас!». Тьфу, самая гадкая маска на этой неделе. Её тоже долой.

- Вот так, – Зарецкий, что было силы, потёр лицо ладонями и устроился поудобнее в шезлонге, который вот уже пятнадцать минут неистово изображал из себя полноценного массажиста.

Термопластик, под завязку напичканный электроникой, хоть и стоил бешеных денег, не шёл ни в какое сравнение с тёплыми руками жены. Но сегодня Ирина не хочет даже разговаривать. Зарецкий так и не смог понять, чем провинился. Новый день для него начался всего час назад, а вчерашний вечер вспоминается урывками. Да и те редкие картинки, которые спонтанно возникают в голове, настолько сумбурны, что составить из них хоть сколько-нибудь логичную цепочку событий не представляется возможным.

Проклятые коктейльчики мамыши Откормышевой. На этот раз «жертва экспериментов» решила чествование своего сынульки начать и закончить бронебойной химической атакой. А тому хоть бы что – доволен, скотина. Пусть бы даже все повыздыхали с лёгкой маминой руки, - президентское кресло уже в его липких пальчиках, а с понедельника так и вовсе под его костлявым задом. Ну, и маман, естественно, не упустила своего, оттянулась на славу.

Так же как и коктейли, госпожа Откормышева обожает пластическую хирургию и ложится под аппарат, как только весть об очередной новаторской технологии достигает её ненормально симметричных ушей. Следовательно, восемьдесят процентов своей праздной жизни тётка проводит в клиниках и реабилитационных центрах. И, нужно сказать, не зря. Выглядит она здорово младше сынишки. Лет эдак на двадцать. Хотя вероятность того, что у престарелой девушки ещё осталось что-то своё, слишком мизерна, чтобы продолжать считать её человеком.

- Киборг! – прошептал Зарецкий, страшно тараща глаза, и сладко улыбнулся собственной шутке.

– Кстати о киборгах, - он обернулся к балконной двери. – Рур!

Дверь послушно отъехала в сторону. В ту же секунду, откуда-то из глубины огромной квартиры послышался заливистый собачий лай, и почти сразу на балкон ворвался небольшой серый пес. Он с разбегу вспрыгнул на колени хозяина, бесцеремонно водрузив передние лапы ему на грудь. Энергично виляя хвостом и поскрипывая суставами нетерпеливо переминающихся задних конечностей, псина принялась самозабвенно облизывать лицо Зарецкому горячим, маслянистым языком.

- Ну, все, Рур, хватит, - пытаюсь прервать безудержную собачью любовь, Зарецкий выставил ладони перед собой, отпихивая пса.

Затея оказалась из ряда невыполнимых. Ловко увернувшись, Рур продолжил осыпать хозяина «поцелуями». Уж если он решил до конца излить все нерастраченные эмоции, что накопила за неделю его маленькая электронная душа, это не остановить ни одним из известных способов. Остается одно – смириться и ждать момента, когда буря уляжется сама.

Сопя и отплевываясь, Зарецкий стойко вытерпел все неуклюжие «па» на своих коленях в придачу со скользким языком на щеках, носу и даже шее. Наконец фейерверк чувств утих, и довольный пес прижался всем телом к ногам того, кого вот уже пятнадцать лет считал своим личным всемогущим божеством.

- Доиграешься ты у меня когда-нибудь, - пригрозил собаке Зарецкий, притворно нахмурив брови. – Ветеринары давно намекают, что ты неприлично устаревшая модель.

Рур прижал уши и жалобно глянул на хозяина. Зарецкий потрепал его за ухом.

- Ну конечно, я ни кому тебя не отдам! – улыбаясь, заверил он пса. – Это для них ты модель, а для меня – моя собака. Посмотри на себя и на любой новомодный гаджет. Разве можно заменить прекрасное лохматое чудовище на одну из этих прилизанно-отмороженных морд?

Псинка снова принялась подскакивать, тихонько скрипя и поскуливая. Зарецкий потер подбородок, оглядывая работа.

- А к ветеринару тебя придется свозить. И не смотри так. Скрипишь как неотреставрированная мамочка Откормышева, но той хотя бы по возрасту положено, а ты для этого бессовестно молод.

Зарецкий вздохнул, оторвался от шезлонга и, бросив прощальный взгляд на балконный бассейн, потопал в комнату, крепко зажав под мышкой упирающегося пса. Все-таки Рур - собака, а собаки больше всего на свете боятся ветеринара.

Как и все, кто имел искусственных домашних животных, Зарецкий продолжал пользоваться именно этим словом, не смотря на то, что настоящих ветеринаров осталось не больше, чем их подопечных. В городах, так и вовсе не было. Им на смену пришли системные администраторы, которые с одинаковым успехом могли починить и собаку, и электронный нож, и посудомоечную машину. Но однажды привыкнув к названию, люди не хотели с ним

расставаться. А быть может, причина скрывалась глубже - в нежелании до конца поверить, что живых питомцев им не заполучить больше никогда.

Бесцельно побродив по квартире с уже вовсю орущей собакой, Зарецкий собрался с духом и крикнул:

- Ира, ты мобильник мой не видела?

За спиной раздался тихий щелчок. Зарецкий обернулся. Панель на стене ярко вспыхнула, и на ней возникло лицо жены. Оно источало такой холод, что, казалось, несчастное стекло сейчас либо заиндевеет, либо вообще треснет. Зарецкий сам почувствовал, как похолодел и затрясся не хуже, чем собако-робот в его руках. Что же нужно было вчера такое сотворить, чтобы она вот так смотрела?

Но лицо уже исчезло, оставив после себя голубой экран с корявым сообщением об ошибке системы.

«Даже операционка не выдержала, - подумал Зарецкий. – Чего же тогда ждать мне?»

Одной рукой он аккуратно снял панель со стены и, положив на стол, свернул в трубочку. Пусть спецы заодно и это вечно зависающее недоразумение перенастроят.

- Ира! – позвал он снова. – Иди, посмотри, что ты наделала. Ты своим злобным видом панель сломала, а она, между прочим, ни в чём не виновата.

- Зато ты ещё как виноват! – жена влетела в комнату, словно фурия или даже Медуза Горгона.

Её черные волосы, всегда аккуратно уложенные, топорщились сейчас, подобно змеям в кубле, щеки покраснелись, а грудь вздымалась, норовя вывалиться из выреза и без того не очень-то похожей на одежду майки. Зарецкий невольно залюбовался. Собака, немедленно воспользовавшись моментом, рванулась и, стукнувшись об пол, унеслась в неизвестном направлении.

- Крабеночек, в чем же я виноват? – подобострастно протянул он и попытался обнять жену.

Наградив его негодующим взглядом, Ирина отступила на пару шагов.

- Что это еще за «крабеночек»? – зло выкрикнула она. – Совсем обалдел?

- Ну, шарик мой воздушный, - Зарецкий невольно посмотрел на грудь жены. – Не злись. Ты сама подстрекаешь - так смешно пучишь глазки, совсем как маленький крабик.

- Так, Евгений, – Ирина даже топнула ножкой от негодования. – Прекрати сюсюкать и будь мужиком! Только не как вчера.

- А вчера я был не мужиком? – Зарецкий скорчил удивленно-оскорбленную гримасу и сразу же машинально провел ладонью по лицу.

- О да, - добавив в голос как можно больше сарказма, Ирина развела руки в стороны, как бы показывая, насколько огромна вина мужа. – Ты не просто им был, ты даже подтвердил это жирнющим восклицательным знаком.

- Да что такое? – гнев и раздражение Ирины потихоньку завладевали Зарецким. - Объясни, в конце концов!

- Хочешь заставить меня поверить, что ты ничего не помнишь? – сложив руки на груди, ехидно осведомилась Ирина.

- Не собираюсь я тебя заставлять! – вспыхнул Зарецкий. – Рур, воды!

Ирина хмыкнула. Вернувшийся пес, предано глянул на своего сердитого идола, но не двинулся дальше ног хозяйки, наивно ища защиту именно в ней.

- А-а, ты же не умеешь, - Зарецкий разочаровано посмотрел на собаку и добавил. – Предатель.

Негодующе дернув плечом, Ирина вышла из комнаты, но через пару секунд вернулась с пластиковой емкостью.

- Держи, - она кинула емкость Зарецкому. – Считай, что я поверила.

Зарецкий поймал спасительный напиток и жадно приложился к нему губами.

- Укол сделал? – почти обеспокоенно спросила жена.

- Еще утром, - соврал Зарецкий. – Но жажда пока не отпускает.

Жена устало вздохнула и потерла пальцами виски.

- Ты же знаешь, нельзя смешивать алкоголь, особенно если мешаешь малоизвестную химию с совсем неизвестной.

- Так это и не я мешал, - Зарецкий посмотрел на нее взглядом больного ребенка.

- Ладно, пойдем на кухню, я тебя накормлю и всё расскажу, - сдалась Ирина.

- Я не голодный. Ты лучше скажи сразу, а то, судя по твоему виду, я чуть ли не продал нас обоих вместе с квартирой и всем тем хламом, которым она набита.

Подвинув ногтем зажим, чтобы вода лилась чуть быстрее, Зарецкий снова присосался к пластику.

- Не продал, - жёстко сказала жена. – Ты всего-навсего вызвал Откормышева на дуэль.

Поперхнувшись, Зарецкий закашлялся.

- Что я сделал? – сипло выдавил он. – Что?

- Этот мерзкий, - Ира скривилась, но так и не нашла подходящего эпитета. - Весь вечер приставал ко мне, пока его маман накачивала тебя коктейлями, а когда от слов он стал переходить к делу, я с испугу пожаловалась тебе, ну ты и...

Ирина подошла ближе и заглянула мужу в глаза.

- Наверное, это я виновата, да? – тихо проговорила она.

- Ты не виновата, - Зарецкий сгреб ее в охапку, все еще не в силах осознать то, что произошло.

Уткнувшись ему в плечо, жена заплакала.

- Ира, - осторожно спросил он, легонько дотронувшись до её волос. – Я что-нибудь ещё говорил?

Она подняла на него широко распахнутые глаза, в которых плясал такой неподдельный страх, что Зарецкий сглотнул.

- Ты сказал: «победитель получит всё», а потом отправил сообщение о дуэли в КРК, - срывающимся голосом поведала она. – Я звонила им, они сказали, ничего нельзя исправить.

- Когда партия? – хрипло спросил Зарецкий.

- Завтра в четыре.

Ирина снова спрятала лицо на груди мужа.

- Ты ведь не отдашь меня ему, правда?

- Никогда, - выдохнул он, сжимая ее плечи сильнее. – Слышишь? Никогда!

- Женя, мне больно, - вдруг пискнула она.

- Прости, - Зарецкий отстранился. – Займись, чем там ты планировала и ни о чем не беспокойся. Я все улажу.

Жена на минуту прижала руки к груди, но потом развернулась и исчезла в одном из дверных проёмов. Проводив её взглядом, Зарецкий болезненно поморщился. Она казалась такой беззащитной сейчас и такой прекрасной. Он любил эту женщину больше себя самого, любил с того самого дня как она наступила ему на ногу в шумной университетской кухне.

Тогда она несла перед собой красивый торт в виде огромного футбольного мяча и, конечно же, обвинила, что это именно Зарецкий не смотрит, куда идет. В ответ он, будучи юным

несдержанным болваном, всё же нашел в себе силы и, скрепя зубами, поздравил их факультет с победой. Усмехнувшись, Ира унесла торт, а потом вернулась за Зарецким и больше уже не отпустила. Но даже если бы и захотела отпустить, он ни за что бы не ушёл. Просто остался торчать у дверей ее комнаты, пока она не взяла бы его назад.

Но хватит нюни распускать. Зарецкий схватился за голову. Нужно все отменить, пока не поздно. Мобильник! Он ткнул в маленькую кнопочку на тонком браслете из искусственного каучука. Тут же раздались резкие, отрывистые сигналы. Вот же он. Ну конечно. На том самом диване, где провел сегодняшнюю ночь его идиот-хозяин.

Схватив телефон, Зарецкий глянул на блестящую поверхность и проорал:

- И-пять-я-два-ноль-четыре-восемь-пит-двадцать-пять.

Это пароль. И хотя всякие умники не рекомендуют связывать его с какими-либо событиями, но, во-первых, для Зарецкого эти перемешанные как попало буквы и цифры не просто событие, а некий символ: дата и место его женитьбы на лучшей из женщин. Во-вторых, чтобы разблокировать телефон, одного пароля мало, нужно приложить трубку к браслету, который является личным уникальным идентификатором. Его нельзя ни подделать, ни снять. Разве что вместе с рукой.

Не так давно любители подкожных чипов развернули в сети настоящую информационную войну против подобного способа идентификации. Они безостановочно льют потоки помоев, среди которых и справедливое: «недостаточно надежен», и фантастическое: «чересчур радиоактивен». Но Зарецкий любой аргумент считал бредом, ибо был твердо уверен, что нет ничего хуже, чем позволить зашить в себя кусок желеобразной дряни, которая, даже попав в организм, будет действовать только согласно заводской прошивке, причем часто вразрез с желанием носителя. Браслет же создавал иллюзию свободы.

Определив, что запрос вполне легален, телефон (ещё одно любимое слово-архаизм) загорелся множеством прозрачных цифр, букв и символов. Цыкнув, Зарецкий четко проговорил,

- Поиск. Комиссия по разрешению конфликтов.

Символы пропали, и на дисплее всплыла надпись: «Возможно, вы имели в виду: Конфессия по сохранению улиток». Зарецкий моргнул и остервенело гаркнул,

- Нет, я имел в виду то, что имел.

Надпись потухла, сменившись следующей: «Вы уверены, что не хотите вызвать другого абонента?»

- Уверен! – заорал Зарецкий, потрясая телефоном.

И эта надпись потухла, выбросив грозное: «Предупреждаем! Дуэль может привести к необратимым последствиям!», но, не рискнув больше испытывать терпение пользователя, мгновенно сменилась лоснящимся лицом помощника по связям с общественностью КРК.

- Добрый день, господин Зарецкий, - ласково проговорил он. – Спасибо, что решили воспользоваться нашими услугами. Это верный выбор, учитывая...

- Я требую отмены партии, - выкрикнул Зарецкий.

- Простите, но это абсолютно невозможно, - не меняя тона, сообщил помощник. – Дуэль можно отменить только в первые полчаса после заявки, таковы правила.

- Мне плевать на твои правила, - заистерил Зарецкий. – Я настаиваю!

Сладкая улыбка сползла с лица помощника.

- Вы упустили возможность на чём-либо настаивать, господин Зарецкий, - холодно отчеканил он. – Партия состоится в назначенное время.

Зарецкий нервно дёрнул мочку уха, усилием воли заставляя себя успокоиться.

- Какие варианты? – спросил он уже более ровным тоном.

- Без вариантов, - ответил помощник, тряхнул головой и добавил. – Напоминаю, что в случае неявки одного из соперников, победа автоматически присуждается оппоненту.

- Спасибо, постараюсь не забыть, - зло процедил Зарецкий.

Отключившись, он принялся метаться по комнате, будто тот самый умирающий дельфин, баннеры с которым частенько выскакивали из разных домашних приборов, требуя спасти несчастного. Зарецкий уже люто ненавидел мучающуюся зверушку, которая, судя по кричащим заглавным буквам, была чуть ли не последней на Земле. Вкупе с дельфином он терпеть не мог и большинство домашней утвари за бесцеремонное вымогательство денег у собственного владельца. Черт бы побрал того, кто придумал закон о невозможности отключения социальной и экологической рекламы.

Внезапно телефон издал пару утробных каркающих звуков, заставивших Зарецкого безглаголиво скривиться. Что ещё нужно этому скоту? Наверняка хочет поглумиться.

- Слушаю! - выкрикнул он.

На экране появился бесстрастный Откормышев.

- Добрый день, Евгений Александрович, я надеюсь, вы не восприняли всерьез вчерашний инцидент? – спросил он холодно.

Зарецкий изобразил невозмутимость, но внутри у него всё ликовало.

- Конечно, Юрий Витальевич, думаю, что мы, как цивилизованные люди, не будем...

- Вот и отлично, - перебил Откормышев и хищно улыбнулся. – Я сказал, что не стану принимать вызов от такого как вы. Естественно я погорячился. Уверен, вы достаточно практиковались, и партия окажется интересной для нас обоих.

Экран потух.

- Сволочь! – заорал Зарецкий на переливающийся чернотой мобильник.

Двадцать-семь часов. За это время Зарецкий успел бы начать и завершить большой проект. Но не в этот раз. Все, что он смог, это тупо сидеть и пялиться на балконный закат, прокручивая его раз за разом под аккомпанемент расслабляющих птичьих трелей. Только вот расслабиться так и не удалось.

Нужно бы заглянуть в книгу, но что это даст? Все знают: Откормышев известный дуэлянт и решает таким образом львиную долю вопросов. А он, Зарецкий, вызывал на дуэль лишь однажды - преподавателя по философии за незаслуженное «неоправданно туп» и то, только в мечтах. Конечно, как и все мальчишки, он с детства учился непростому искусству дуэлей, но если бы партия предстояла с Серёгой Пронькиным или хотя бы с Ильей Владимировичем, то можно было бы на что-то надеяться, а против Откормышева шансов ноль.

Пришла Ира и протянула запаянный пакет с официальным костюмом.

- Пора, - убито сказала она. – Пятьдесят первый мост свободен, можешь ехать.

Послушно приняв пакет, Зарецкий поднялся и направился к выходу.

Серебристая труба транспортировочного моста и правда была пустой. Видно решили не подвергать случайных автомобилистов опасности оказаться рядом с «задиристым дуэлянтом». Мало ли что такому взбредет на ум, может ведь и в окно плюнуть.

Впервые Зарецкий осознал, как ненавидит свой сытый, холёный век. Будучи фанатом истории, в студенческие годы он проглатывал пачками трактаты, романы и энциклопедии. Время, когда миром правило оружие захватывало, но оказаться там – нет, ни за что. Сотни бессмысленных смертей, порой, из-за самого ничтожного спора. Ладно, если война, а сколько миллионов погибло из-за простых бытовых ссор или зависти. Этот раздел в истории Зарецкий всегда воспринимал с особой неприязнью.

Было время, когда доступность оружия и массовость его применения достигли апогея и после истребления большинства животных, служащих привычной мишенью для развлечения, под угрозой оказалось существование самого человечества. Тогда-то и был принят международный закон об уничтожении всего, что может даже косвенно служить орудием убийства.

Безусловно, издать закон – одно, а реализовать его – совсем другое. И снова полилась кровь. Появились защитники и протестующие. В своих фанатичных убеждениях они дошли до того, что забивали друг друга камнями просто на улицах. Тогда то, под свист камней и вопли беснующийся толпы, к власти пришёл диктатор, положивший начало Эпохе Объединения. Красиво звучит. Но нынешние историки называют её Эпохой Ужаса. Шестьдесят долгих лет он растил единую империю на костях десятков народов, стирая с лица земли даже воспоминание о трех расах.

Теперь раса всего одна, симбиоз тех немногих, кто остался в живых. Понятие «страна» ушло в небытие. Земля уже почти очухалась, потихоньку возвращая миллиардные потери населения, хотя для этого ей понадобилось больше двух веков. Единственное, что никуда не делось – это конфликты. Но как их решать, если оружия нет, а получивший в свое распоряжение все мировые ресурсы маленький народ зажрался и ослаб?

Вот тут и появился самый влиятельный из органов управления – «Комиссия по разрешению конфликтов» или попросту КРК. Сначала они были призваны решать только то, с чем не справлялась судебная система, но вскоре к их услугам стали прибегать чаще и чаще. В основном для самоутверждения, а то и просто от скуки. До сих пор Зарецкий был уверен, что именно он никогда не наберёт простой трехзначный номер и уж точно не узнает, как в действительности выглядит Дуэльный зал. И вот теперь...

Прямо перед носом замигал датчик превышения скорости. Противно заверещала сирена и тут же сильно трянуло. Сработали уловители. Машина зашипела, убирая сопла воздушной подушки и мягко опустилась. Зарецкий ругнулся. Начало не предвещает ничего хорошего. Ждать, пока приедет раздутый от чрезмерного чувства собственного достоинства представитель Комиссии по дорожно-транспортным нарушениям времени нет, значит, дальше придется идти пешком.

Зарецкий стукнул по браслету, к которому еще сутра примагнитил мобильник. Экран последнего с готовностью высветил координаты, карту пути следования, количество шагов до ближайшего выхода из трубы транспортного моста и три варианта времени: текущее, проведенное в пути и оставшееся до начала партии. Снова выругавшись, Зарецкий сплюнул на хромированную дорогу и задумался, наблюдая, как быстро испаряется плевок. Наниты, мать их. Они с детства пугают. Ты знаешь, что они есть, но в то же время видишь только, как исчезает маленьким облачком пролитое молоко или рассыпается в пыль опустевшая пачка из-под искусственной карамели. Что они вытворяют, когда впрыскиваешь их под кожу, вообще думать не хочется.

Мобильник издал утробный гудок, и экран без разрешения высветил взволнованного молодого человека, который безуспешно пытался выжать из себя кривую улыбку.

- Господин Зарецкий, - сбивчиво затараторил незнакомец. – Почему вы еще в трубе? Вы давно должны быть в зале!

Ни слава не говоря, Зарецкий повернул телефон в сторону своего автомобиля, крепко зажатого между уловителей.

- О! – воскликнул собеседник, секунду подумал и тоном, не терпящим возражений, заявил. – Стойте на месте. Высылаем служебную машину.

На транспорт таких служб как КРК закон об ограничении скорости не распространяется, поэтому их чёрный, каплевидный автомобиль затормозил возле Зарецкого уже через пару минут. Три размашистые буквы на клетчатом фоне – неудачный, но вполне запоминающийся логотип. Дверь услужливо открылась. Залезая на заднее сидение, Зарецкий наткнулся на то же лицо, что видел несколько минут назад на экране своего мобильного.

- Мое имя Алексей, сегодня я ваш секундант, - объявил парень.

- Разве у меня нет права самому выбирать? – раздраженно осведомился Зарецкий.

- Да, конечно, - смутился секундант. – Но срок, в который вы можете воспользоваться этим правом, истек двадцать минут назад.

- Черт бы вас побрал с вашими сроками, - зло побурчал Зарецкий и отвернулся к окну, на котором тот час же задергался умирающий дельфин, терроризировавший его уже вторую неделю.

Зарецкий зарычал и презрительно глянул на парня рядом.

- И что же входит в ваши обязанности, молодой человек? – надменно осведомился он.

- Следить, чтобы ваш соперник не использовал запрещенных комбинаций.

- Насколько мне известно, поле снабжено электронным контролем.

- Хм, конечно, но у нас бывали случаи, когда...

- Хорошо, дальше мне неинтересно, - перебил Зарецкий и уткнулся взглядом себе в колени.

Всю оставшуюся дорогу проделали молча. Уже пред входом в зал мальчишка, прежде чем отправится к своему монитору, бесцеремонно схватил Зарецкого за руку и с жаром сказал:

- Желаю удачи!

- Спасибо, удача мне не помешает, - буркнул Зарецкий и двинулся сквозь толпу лопающихся от любопытства журналистов.

Стены Дуэльного зала, сплошь увешанные большими и маленькими цифровыми панелями, давили невидимым грузом, вызывая напряжение и дискомфорт. Продвигаясь к небольшому столу в центре огромного куполообразного помещения, Зарецкий избегал встречаться с кем-либо взглядом, потому как заранее знал, что увидит. Жалость. Больше ничего.

Журналисты что-то орали, тыкая в нос разрешительные карточки с названиями своих изданий. Зарецкий стискивал зубы, чтобы не кривиться. Стоит только расслабиться и на завтра твоё перекошенное выражение лица может оказаться любимой объемной картинкой, украшающей стены большей части квартир. Причем, скорее всего, руками особо циничных деятелей, оно окажется вполне удачным дополнением к туловищу какой-нибудь уродливой доисторической жабы.

Жаба всплыла в сознании Зарецкого очень вовремя. Откормышев уже был на месте и нагло улыбался, поглаживая спинку своего кресла. Встав напротив, Зарецкий натянул на лицо маску каменного спокойствия. На всех панелях зала вспыхнули часы, ведущие обратный отсчёт. С последней секундой, соперники заняли свои места. Откормышев протянул руку. Зарецкий стиснул зубы и крепко сжал холодные, влажные пальцы соперника, не без удовольствия услышав, как хрустнули у того суставы. Изменившись в лице, Откормышев одернул руку, но промолчал.

Звук гонга возвестил начало, и глянцевая поверхность стола вдруг обратилась красивой шахматной доской с фигурами, удивительно похожими на те, что Зарецкий видел в одной из древних энциклопедий. Никаких футуристических изгибов или кислотных красок, что обычно избирали дуэлянты. Строгие линии, глянцевая текстура, классический черно-белый.

- Я позволил себе сделать выбор самостоятельно, пока ты развлекался гонками по трубам, - произнес Откормышев, искривляя рот в язвительной усмешке.

- Не помню, чтобы мы переходили на «ты», - процедил Зарецкий.

- Ну, так давай перейдем, - тонкие губы растянулись еще шире, отчего стали абсолютно белыми.

«До чего же ты похож на опарыша», - подумал Зарецкий, а вслух сказал:

- Не вижу необходимости. Делай ход, раз уж взял на себя такую ответственность.

Противная ухмылка, намертво прилипшая к губам Откормышева, вызывала тошноту, как, собственно, и его бледные пальцы, сжимавшие стилус, исполненный в виде старинного пера для письма. «E2-e4», красиво вывел Откормышев в специальной секции стола. В долю секунды фигуры переместились на соответствующие клетки поля.

- Вот уж не ожидал, - ехидно проговорил Зарецкий. – Такой нетривиальный ход.

- Рад, что мы всё же на «ты», - отозвался Откормышев. – Легче будет общаться, когда я приеду за Ириной.

- Твоя мамочка не учила, что праздновать победу заранее - плохой знак? – зашипел Зарецкий.

- Напротив, она учила не верить знакам. Твой ход.

Зарецкий решил начать с простой Французской защиты, «е7-е6» черкнул он и... сломал тонкий стилус.

- Серьезная заявка, - хохотнул Откормышев. – Принимается.

Подскочил Алексей. Быстро поменял перо. Выпрямившись, Зарецкий скрестил пылающий ненавистью взгляд с вызывающим взглядом соперника. Игра понеслась.

Зарецкий боролся, думал, просчитывал, представлял. Он неистово давил эмоции, позволяя разуму действовать самостоятельно. Но вальяжность и нахальство Откормышева, то и дело бросающего в сторону соперника нелестные высказывания, не давали возможности полностью сосредоточиться на игре. Ярость лезла наружу, выбивая из равновесия.

В первые тридцать минут, Зарецкий сломал два стилуса, чем вызвал ещё большее пренебрежительное веселье со стороны врага. Он попытался не обращать внимания, но Откормышев, вдруг поднял голову и развернулся к ближайшей камере. Все панели и мониторы зала отразили его болезненное лицо.

- Эту игру я посвящаю тебе, Ирина, - пафосно заявил он. – Потерпи, скоро мы будем вместе.

Зарецкий вскочил и сжал кулаки. Выросшему как из-под земли Алексею, с огромным трудом удалось уговорить его занять свое место. Но ярость, до сих пор успешно запертая где-то глубоко в душе, взорвалась подобно вулкану, и о холодном уме уже не могло быть и речи. Всей душой, ненавидя соперника, Зарецкий ушёл в нападение. Ошибки посыпались, как крупа из прорванного пакета. Ход, второй, третий. Пронзительный звук. Ликующая рожа Откормышева. И вот уже он, так мечтавший подарить жене победу, унижен, разбит, раздавлен.

Зал быстро опустел. Галдящие журналисты шлейфом унесли за своим кумиром, и только Алексей остался рядом. Он присел на корточки, пытаясь поймать взгляд Зарецкого, подобно лохматому Руру.

- Я знаю, что вы чувствуете, - тихо проговорил он. – Откормышев – тварь. Он не имел права...

- Здесь только моя вина, - глухо бросил Зарецкий, поднялся и, словно во сне, двинулся к выходу.

- Если я могу что-то сделать для вас, только скажите, - крикнул ему вслед Алексей. – Мой номер остался у вас в мобильном. Звоните в любое время.

Квартира встретила холодом и полумраком. На балконе шёл дождь. Значит Ирина где-то здесь.

- Ира, - тихо позвал Зарецкий.

Раздался щелчок запираемой двери. Зарецкий рванул в сторону звука и принялся тарабанить в закрытую дверь.

- Ирочка, Ириша, открой! – кричал он.

Тишина.

- Ириша, давай поговорим!

Он саданул ногой в дверь так, что та даже чуть-чуть выгнулась, но это ничего не дало. Выбить дверь невозможно. Материал, который используют теперь строители, ведет себя как хорошая резина: растянуть – да, сломать – никогда.

Зарецкий опустился на пол и «умный» ворс коврового покрытия сейчас же образовал что-то наподобие гнезда.

- Пожалуйста, - прошептал Зарецкий. – Только не молчи.

- Ты обманул меня, - слышался из-за двери бесцветный голос жены. – Теперь я все буду решать одна, уходи.

- Любимая... - простонал Зарецкий, вспомнив давно забытое слово.

- Не смей, - гневно крикнула жена. – Ты сделал свой выбор!

Опять тишина. Он поднялся и поплелся на балкон. Дождь уже лил как из ведра, но Зарецкий не стал менять его на что-нибудь более приятное. Больше всего на свете он хотел стать тем самым плевком, которым наградил транспортный мост сегодня перед дуэлью. Ведь тогда наниты испарили бы его вместе с рвущей на куски болью, липнувшим ужасом и гнущим к полу унижением.

Над головой сверкнула молния, а вместе с ней резанула мысль:

«Он сказал, приедет утром!»

Зарецкий вскочил и, вылетев с балкона, кинулся на кухню. Нужно было что-то подходящее. Хоть, что-нибудь, что склонит чашу в его сторону. Лихорадочно пошарив руками по обтекающим бокам серебристых приборов, Зарецкий бессильно взвыл. И вдруг взгляд упал на Рура. Тот вжимался спиной в стену и тихонько скулил.

Присев, Зарецкий протянул руку к собаке.

- Иди ко мне, мальчик, - позвал он. - Ну же, иди.

Пес в нерешительности потоптался на месте, но чувство любви быстро пересилило в нем чувство страха, и он кинулся на руки хозяину. Зажав собаку под мышкой, как делал

последние пятнадцать лет, Зарецкий громко отчеканил пароль и номер ветеринарной службы. Экран показал прыщавого парнишку в тонированных очках.

- Здравствуйте, - заученно выговорил паренек. – Что у вас случилось?

- Позовите кого-нибудь из специалистов, - приказным тоном отчеканил Зарецкий.

- Что у вас случилось? – неуверенно повторил паренек.

- Дай специалиста, чёрт тебя дери! – заорал Зарецкий.

- Простите, но я не могу выполнить вашу просьбу, пока вы не контролируете свои эмоции, - сухо заявил парень и отключился.

«Интересно, какой идиот научил тебя так отвечать клиентам», - раздраженно подумал Зарецкий.

Несколькими быстрыми движениями он растер лоб, заставляя себя думать.

- Алексей, секундант, - выкрикнул он спустя минуту.

На экране без задержки появилось встревоженное лицо нового знакомого.

- Евгений Александрович?

- Ты знаешь, как вскрыть собаку пятнадцатилетней давности?

- Что? – у молодого человека отвисла челюсть.

- А, впрочем, забудь, - Зарецкий поморщился.

- Евгений Александрович, - парень вдруг просветлел. – Я где-то читал, что неломкий материал в бытовых приборах стали использовать всего десять лет назад, а это значит...

- Спасибо! – с жаром выдохнул Зарецкий, остервенело оторвал мобильник от запястья и бросил на диван.

Не выпуская покорно висящей на руке собаки, он бухнулся на четвереньки и принялся шарить под диваном. Потребовалось долгих пять минут, прежде чем удалось нащупать, то, что он искал. Облегченно вздохнув, Зарецкий выудил на свет небольшой яркий мячик. Любимая игрушка Рура.

Стремительно выбежав на балкон, он отключил дождь и отодвинул одну за другой громоздкие ставни. На улице приветливо светило настоящее солнце. Осторожно опустив пса на широкий подоконник, Зарецкий нежно погладил его по голове.

- Я хочу, чтобы ты понял, - еле сдерживая рвущийся наружу вопль, произнес он. – Я делаю это не потому, что разлюбил тебя, просто её я люблю больше.

Пес поднял одно ухо, как бы прислушиваясь к тому, что говорит хозяин и, изловчившись, лизнул ему руку. Зарецкий прижал собаку к себе. Глаза защипало. Время! Он отшатнулся и запустил мячик в окно.

- Принеси! – скомандовал он.

Недоуменно глянув на хозяина, вниз и опять на хозяина, Рур заскулил. Слезы застилали глаза, путая мысли и искажая картинку. Давно забытые и уже ставшие бесполезными, теперь они жгли кожу будто кислотой. Зарецкий бросился перед псом на колени.

- Рур, я прошу тебя, - прошептал он. – Я очень тебя прошу.

Пес посмотрел на хозяина долгим, печальным взглядом, развернулся и спрыгнул с подоконника. Зарецкий зажмурился. Только когда внизу раздался хлопок, он ринулся в лифтовую капсулу.

Пятьдесят шестой этаж не оставил Руру шансов. Захлебываясь слезами, Зарецкий собрал останки робота и, аккуратно обернув их собственной рубашкой, вернулся домой. Расчет был верен. Эта модель вместо современного «желе», была под завязку напичкана тонкими пластинками плат. Выбрав одну, Зарецкий до боли сжал ее в кулаке и опустил на шезлонг. Так он просидел, пока домофон не объявил о прибытии Откормышева.

Услышав, как Ира вышла из комнаты, Зарецкий дёрнулся, но не двинулся с места.

- Здравствуй, - послышался наглый, самоуверенный голос. – Ты до сих пор не готова? Я удивлен. Ну, давай быстрее, у меня мало времени.

- Я никуда с тобой не пойду, - голос Ирины дрожал от напряжения.

- Как хочешь, но тогда твой муж ответит по закону, а ты знаешь, что в этом мало приятного.

Зарецкий не видел мерзкого оскала Откормышева, но слышал его в каждом звуке отвратительно-приторного голоса.

- Я буду бороться! – истерично выкрикнула Ирина.

- Как? – хохотнул Откормышев. – Тоже вызовешь меня на дуэль? Тебе не позволят. Женщин не допускают к шахматам. Так что извини, но ты ничего не можешь.

- Зато я могу, - жестко сказал Зарецкий и стал между Ириной и Откормышевым, заслоняя жену собой.

- Ты? – Откормышев запрокинул голову и противно заржал. – Если мне не изменяет память, ты уже показал, на что способен. Это видели все.

- У меня есть право отыграться, - мягко улыбнулся Зарецкий.

- А, - Откормышев беспечно махнул рукой. – Можешь подавать заявку. Я думаю, мы повторим партию. Например, следующим летом. Как тебе?

- Я отыграюсь прямо сейчас, - Зарецкий посмотрел на Откормышева, как на нечто весьма забавное.

- Ты кое-чего не учел, а потому, - выхватив из-за спины острую пластинку, он двинулся на врага. – Шах!

Молниеносно воткнув пластинку Откормышеву в шею, он с огромным наслаждением ощутил легкость, с которой скользнуло в мягкую плоть его оружие. Оно вошло словно в кусок масла, разрывая ткани и разрубая хрупкую артерию - единственное препятствие на пути к цели.

- И мат, - спокойно добавил Зарецкий, глядя, как к его ногам оседает безжизненное тело.